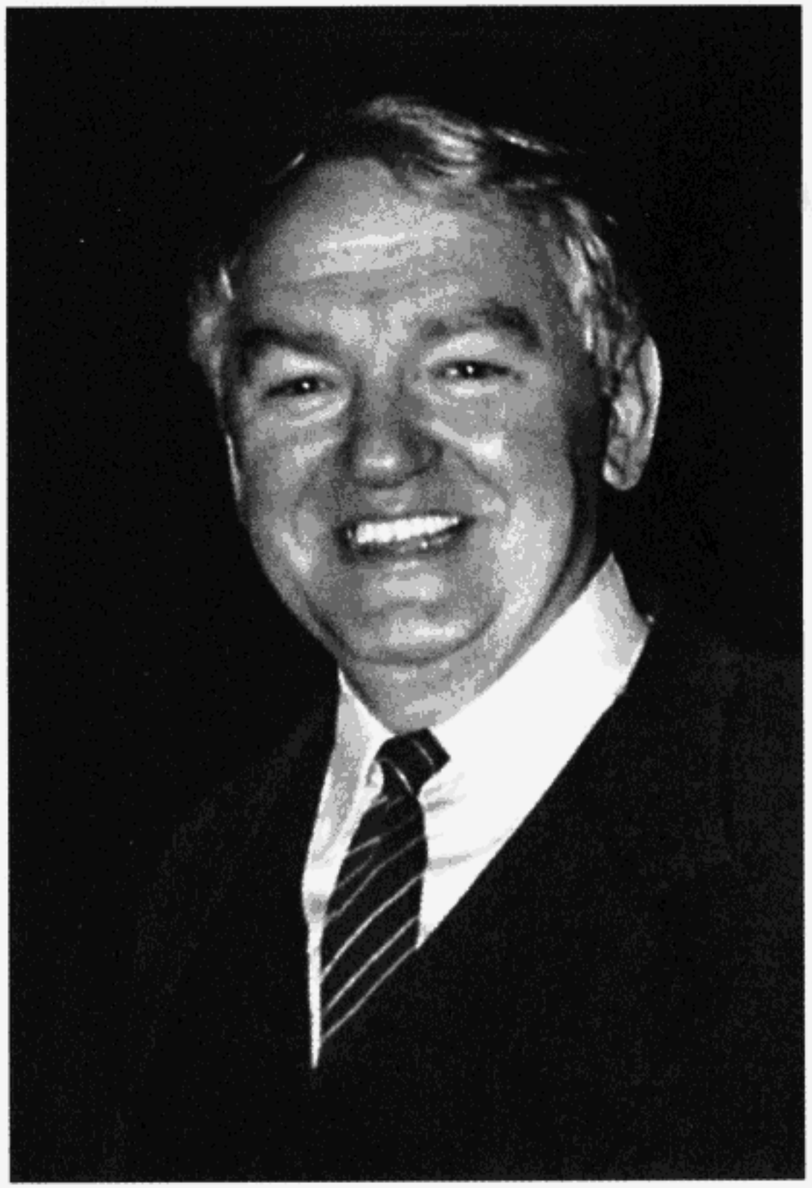
МУШНИ ЛАСУРИА

ФОРЕЛЬ И СОЛОВЕЙ

МУШНИ ЛАСУРИА

ФОРЕЛЬ И СОЛОВЕЙ

МУШНИ ЛАСУРИА

ФОРЕЛЬ И СОЛОВЕЙ

СТИХИ

В переводах
Ф. Искандера, С. Куняева,
Ан. Передреева, Ю. Кузнецова
и других

Сухум

Издательский дом «Звонница-МГ»
Москва
2008

УДК 82-1
ББК 5*84(5Гру-6Абх)
Л 26

Ласуриа М.Т.
Л 26 Форель и соловей / Ласуриа М.Т. — Сухум; М.: Издательский дом «Звонница-МГ», 2008. — 128 с.

ISBN 978-5-88093-182-8

Мушни Ласуриа — известный абхазский поэт, лауреат Государственной премии им. Д.И. Гулиа, академик, автор многих сборников стихов, поэмы «Золотое руно», романа в стихах «Отечество», которые сыграли значительную роль в становлении и развитии абхазской поэзии.

По природе своего дарования М. Ласуриа — лирик. Он стремится к классической ясности образов, к чистоте поэтических красок. Его лирика впечатляет гармоническим равновесием чувства и мысли, пластичностью деталей.

Перу М. Ласуриа принадлежат переводы на абхазский язык романа в стихах А. Пушкина «Евгений Онегин», поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре», «Мцыри» и «Демон» М. Лермонтова, «Шильонский узник» Дж. Байрона, «Песнь о Гайавате» Г. Лонгфелло и др. Они стали образцами классического перевода в абхазской поэзии.

Им составлена в 2-х томах «Антология абхазской поэзии XX в.».

М. Ласуриа впервые полностью перевел на абхазский язык Новый Завет. В сборник «Форель и соловей» вошли как ранние стихи, так и написанные в позднее время.

Рисунок на переплете Батала Джапуа.

УДК 82-1
ББК 5*84(5Гру-6Абх)

ISBN 978-5-88093-182-8

© Ласуриа М.Т., 2008

* * *

Нет, мудрые колхи, далёким соседям на горе,
Не шли на разбой через синее море.
Напротив, седую морскую дорогу
Враги пропахали к родному порогу.
И часто над родиной горн боевой
Тревогу трубил, заглушая прибой.

Волнами омыты далёкие виды,
Где в воздухе плыли знамёна Колхиды.
И жёны, соткавшие эти знамёна,
Детей прижимая, глядели безмолвно.

С истлевшего знамени через века
И солнце сияет, и машет рука!
Знамёна несли по великому кругу
Два огненных образа: солнце и руку...

1972 г.
Перевод Ю. Кузнецова

АПСНЫ

Мать — одна. И народ один.
Две любви, что сияют вместе.
Им обоим отдам, как сын,
Безраздельно и жизнь, и песню.

Мал мой край, но родина — нет!
Не бывает родины малой...
Что сказать позабывшим свет
Той, что их на руках качала?

Ты одна у меня, Апсны,
Я тобою взращён и вскормлен,
Каждым вздохом твоей волны,
Каждым стеблем твоим и корнем!

Ты, как сказка, полна чудес.
Разве горы твои — не чудо?
Этот вечнозелёный лес,
Эти травы твои — откуда?

Твои реки узнаешь в глаза!
Твои люди, как реки, бурны,
И завидуют все небеса
Твоим — пламенным и лазурным!

Не в тебя ли влюбился Бог?!
На щеках твоих — краски моря,
И летит на них холодок
От садов, покрывающих взгорья.

Ты — ларец моих тайн, Апсны,
Ты — мой мир огромный, Апсны!

Только здесь я увидел, здесь:
Всходит солнце, подобно чуду...
Продолжай же расти и цвесть,
И покуда ты есть, я — буду!

Перевод Ан. Передреева

* * *

Я люблю твой нрав, Кодор,
К морю мчишь во весь опор,
С самого себя смывая
Зимней спячки всякий вздор.

Лес в сверкании обнов.
Свежесть мокрая стволов,
Сумасшедшая кукушка
Мне кукует сто годов.

Облака на синеве,
Одуванчики в траве...
Что-то странно отдаётся
Сладким звоном в голове.

Я — с лопатой в огород,
Сладок труд и сладок пот,
Семена стучат в плетёнке,
Солнце спину мне печёт.

Так играй, Кодор, играй,
Пенься, лейся через край,
Зимний мусор бурелома
С самого себя смывай.

У весны без берегов
Нет конца в конце концов,
Клювом в клюв, как губы в губы,
Кормит ласточка птенцов.

Жеребёнок... Ну и вид!
Опрокинувшись, лежит,
И сучит, сучит ногами,
Точно по небу бежит.

Лес в сиреневом дыму...
Что со мною, не пойму,
Серебрящееся имя
Не открою никому.

Так играй, играй, Кодор,
Мчи в распахнутый простор,
Голубеющее небо
Голубит отроги гор.

Перевод Ф. Искандера

ОСЕНЬ В АБХАЗИИ

Край мой! Древняя родина
Виноградной лозы,
Солнцу единокровная
Матерь-земля Апсны[1].

Время готовить корзины,
Время давить виноград,
Время наполнить кувшины,
Что под землёю стоят.

Полные солнечной крови,
Крупные, словно дрозды,
Свесились тёмные грозди —
Дети могучей лозы.

Девушка! Длинные косы
Очень подходят тебе.
Девушка! Щедрые лозы —
Это к счастливой судьбе.

[1] ***Апсны*** — древнее название Абхазии.

Юноша! Рви эти гроздья,
К свадьбе вина припаси,
Благословенного гостя
Осенью в дом пригласи.

Сбор винограда в родимом краю
Как возвращение в юность мою!

Шепчутся листья, волнуясь:
Сверстников надо созвать,
Вспомнить недавнюю юность,
Зрелости словом воздать.

Падают гроздья в амцвишу[1],
И, как отпущенный лук,
Ветвь поднимается выше
И распрямляется вдруг.

Как возвращение в юность мою
Сбор винограда в родимом краю!

Перевод С. Куняева

[1] ***Амцвиш*** — корзина для сбора гроздьев.

МАТЕРИ

Вот письма из Абхазии далёкой
Пришли опять — их радостно читать.
Мне чувство этой радости глубокой
Словами слишком трудно передать.

Но мчатся дни, страницы я листаю:
Средь многих писем, льющихся рекой,
Мать, не найду никак, не прочитаю
Хотя б строки, написанной тобой.

Ведь ты б писала, ты б ночей не знала —
О, столько нужно сыну рассказать!
Брала б перо и снова начинала...
О, если бы умела ты писать!

Тебя сыновьи весточки согреют —
Ты так их ждёшь в далёкой стороне!
И, как от снега, волосы белеют
От дум твоих тревожных обо мне.

Своих краев родимых не забывший,
Я помню, как уехал из села,
Как с пёстрым петухом — смешной обычай! —
Вокруг меня ты трижды обошла...

Оттуда же, с вокзала, провожала
Ты сына, не пришедшего с войны...
От слёз увяли щеки, что, бывало,
Цвели, как розы, молоды, нежны.

Мать, как тебя утешить, как от боли,
От бед былых тебя мне уберечь?
Я так далёко ехал для того ли,
Чтоб позабыть мою родную речь?

Везде со мной наш дом, родные лица.
Живя в труде, пораньше я встаю.
Я свет в себя вбираю здесь, в столице,
Который озарит всю жизнь мою.

И я хочу, чтоб строки эти стали
Подарком, скромным для моей земли.
Мать, их прочесть сумеешь ты едва ли,
Ты их еще услышишь там, вдали...

Перевод Ал. Заурихa

ПРОЩАНИЕ

Абхазские мужчины
не оплакивают своих жен.

Душа настаивала: «Плачь!
Не сдерживай своих рыданий...»
«Молчи... Тоску поглубже спрячь...» —
Шептал обычай стародавний.

...Вчера — любимый человек, —
Вчера она скончалась в муке...
Глаза, закрытые навек,
Навеки сложенные руки...

Её схоронят через день,
Зароют послезавтра в землю...
Он под окном своим, как тень,
Стоит, ночной окутан темью.

...Он возвращается опять,
Бредёт, с душой осиротевшей...

Печалью тихою объят,
Народ сидит вокруг умершей.

И вот: встают по одному,
Глядеть в глаза его не смея,
И все уходят, чтоб ему
Наедине проститься с нею.

Её схоронят через день,
Зароют в землю послезавтра...
Толпа горюющих людей
Пойдёт за нею со слезами.

И он пойдет среди других...
Но не должны увидеть люди
Запретных слез его мужских...
Не будет плакать он, не будет!

Но не сдержать ему тоски
Теперь, когда народ оставил.
Прикосновением руки
Он волосы её поправил.

Он в лоб её поцеловал,
Ещё как будто бы украдкой,
И вновь лицо своё склонял
Над этой страшною утратой.

Никто не видел, не слыхал,
Как он тогда над нею замер,
Как он лицо ей согревал
Своими жаркими слезами.

...За ним — когда он выходил —
Её живой тянулся голос.
И шаг его тяжелым был,
Всей тяжестью земли тяжелым.

Перевод Ан. Передреева

* * *

Запруда отражалась в небе,
И отражала синь запруда,
Как две стихии, в кои веки
Отторгнутые друг от друга.

К полудню, изомлев от зноя,
Мы, всадников изображая,
Летели шумною толпою,
Друг друга вскачь опережая,

К запруде, к россыпи каменьев,
К простору, жадному для взора, —
И вдруг впадали в опьяненье
От бесконечного простора.

Как голуби, белели камни,
Темнели липы полукругом...
А мы уже на водной глади
Воюем весело друг с другом.

Вперёд!
Кто властелином станет
Теченья свежести, прохлады,
Тот в знак победы загорланит, —
И сколько в крике том отрады!

Сверкали золотые брызги,
По норам разбегались раки,
И перепуганные рыбы
Под камни забивались в страхе.

...Как Одиссей, я возвратился
Сюда чрез два десятилетья.
Мой чуб уже посеребрился,
А здесь опять воюют дети.

Река всё та ж. В её стремнинах
Клокочет время молодое.
Погребено в её глубинах
Моё владычество былое.

Перевод С. Куняева

ФОРЕЛЬ И СОЛОВЕЙ

Форель влюбилась в соловья, —
Легенда есть такая.
И соловей, её любя,
Пел, горло разрывая.

Средь нависающих ветвей,
Роняя в воду звуки,
Пел над рекою соловей
Серебряной подруге.

В воде форель горит огнем,
А соловей в чащобе
Зовёт подругу над ручьём
В неистовом захлёбе.

И не смолкает эта трель
Любовного влеченья.
И, слушая её, форель
Стоит против теченья.

Форель плеснётся из волны,
Вспорхнёт певец в чащобе,
Но между ними две стены, —
Непроходимы обе.

Форель плеснётся из воды,
Чтобы прижаться к другу,
Вода и воздух — две среды,
Враждебные друг другу.

Сильнее счастья жаркий хмель
Любовного томленья,
Коль, слушая певца, форель
Стоит против теченья.

Перевод Ф. Искандера

КОЛЫБЕЛЬ

Крыша в доме прохудилась,
Я взобрался на чердак.
Что-то слабо золотилось
Сквозь чердачный полумрак.

Очерк смутного предмета,
Хлам чердачный, канитель...
Господи, неужто это,
Я подумал, колыбель?

Словно кающийся грешник,
Вдруг увидевший алтарь,
Подымаю, как подсвечник,
Цилиндрический фонарь.

То ль игрушка великана,
То ли карлика дворец?
Колыбель моя, как странно, —
Узнаешь? — я твой жилец.

Колыбель моя, как жалко,
Словно душу в эту гниль,
В эту рухлядь, в эту свалку
Зашвырнули, как утиль.

Или сам я неудачник,
Неуживчивый чудак,
То ли склочник, то ли злачник,
Разваливший свой очаг?

И с улыбкою кривою
Бормочу я, как во сне:
Видно, род мой сам собою
Должен кончиться на мне.

Видно, все мои ошибки
Перечислил сатана
И довел до этой зыбки,
Как до первого звена.

Но за что казнить начало
В пыльном хламе чердака —
Колыбель, что колебала
Мамы легкая рука?

Перевод Ф. Искандера

СТАРИК И СНЕГ

Старик считает годы —
Всё ближе смертный час.
Суров закон природы,
Придуманный для нас.

Как месяц на рассвете,
Он тает в полумгле...
Вокруг смеются дети
На молодой земле.

Старик ждёт смерти хмуро,
Бормочет невпопад...
Но как-то раз под утро
Начался снегопад.

От снега столько свету,
Куда ни глянь — кругом!
Ах, по такому снегу
Он бегал босиком!

Охотник-непоседа,
Он лазал между скал.
В году Большого Снега[1]
Он от любви не спал!

Как белые деревья
Стряхают снег с ветвей,
Он сбрасывает бремя
Годов с души своей!

Подрагивают ветви...
А вдруг в последний раз
Старик глядит на эти
Красоты без прикрас?

Но не об этом мысли,
Когда валится снег
И свежесть юной жизни
Вдыхает человек!

Перевод С. Куняева

[1] В 1911 году в Абхазии было очень много снега.

ЭТО БЫЛ Я

Стоял крещенский холод
В далёком январе,
Когда младенца голос
Раздался на заре.

В краю, заворожённом
Снегами января,
Кто был новорождённым? —
Не кто-нибудь, а я!

Лежал в зелёных травах
Усталый мальчуган,
Вбирая почвы запах,
И зной, и птичий гам.

Он наслаждался синью
И золотом небес...
Вот так, любимый жизнью,
Я жил в стране чудес...

Жил юноша однажды
И девушку любил.
Всю боль любовной жажды
Он до конца испил.

Узнал всю сладость плена,
Всю горечь бытия,
Сгорал и вновь из пепла
Вставал он — то есть я...

Седой старик угрюмо
Ведёт событьям счёт.
Бегут за думой дума
О том, что жизнь течёт.

О том, что, может статься,
Он прожил век не зря...
Но кто же этот старец?
Опять все тот же я.

Земля на крышку гроба
Упала тяжело.
Глядели люди скорбно,
А время — время шло...

От гроба и до люльки
Я оглядел свой путь.

Ну что ж, прощайте, люди,
Мне можно отдохнуть!..

Плывёт луна. Ребенок
Издал свой первый крик.
Он видит из пелёнок,
Что этот мир велик.

В том крике: здравствуй, небо!
И солнце! И земля!
...Кто скажет, что я не был,
Коль слышал мир меня?!

Перевод С. Куняева

СОН

Снами сны в ту ночь легко сменялись.
Но один дежурил напролет:
Два героя надо мной склонялись,
Прометей и бедный Дон Кихот.

Два товарища на подвиги куда-то
Едут сквозь непроходимый мрак,
В небе контур мельницы крылатой,
Непонятный, но зловещий знак.

В это время в замке Дульсинея
Спит, смежив неумные глаза.
Принимая очертанья змея,
К ней в оконце (дьявола затея)
Лезет виноградная лоза.

А герои едут, утверждая
Непорочной жизни идеал.

Санчо Панса, их сопровождая,
Крайности не слишком разделял.

Прометей, с товарищем кочуя,
Подвиг свой обдумывал ещё,
Только ворон, этот подвиг чуя,
Вслед летел и каркал горячо.

Как монах бродячий, враскорячку
У харчевни древний мир дремал.
Просыпался и все ту же жвачку
Без зазренья совести жевал.

Ангелы парили в поднебесье,
Дьяволы сновали меж людьми,
Странное такое равновесье
Угнетало лучшие умы.

Будет подвиг! И горящий факел
Прометей собратьям передаст.
Самый тихий, самый скромный ангел,
Бдительность блюдя, его предаст.

Но пока что ничего такого,
Лопастями мельница стучит,
И скала Кавказа бестолково
Меж других бессмысленно торчит.

Только дьявол влез под одеяло
К Дульсинее...
Продолжалась жизнь...
Верности прекрасным идеалам
Два героя, едучи, клялись.

Перевод Ф. Искандера

СМЕРТЬ КАМНЯ

Вы видели как умирает камень?
В горах однажды, расшатав руками,
Большой валун я вытолкнул с обрыва,
Не знаю почему... Сперва лениво
Перевернулся он, как бы ворча.

Потом пошёл по склону, грохоча,
Быстрей, быстрей! Нелепым, грузным скоком,
То шлёпаясь плашмя, то зарываясь боком,
То рев, то стон, то болевые взвизги
Неслись по склону. Каменные брызги
Отщёлкивались, щёлкали, взлетали
И, отставая, прахом оседали.

Он мчался с рёвом окровавленного зверя,
Уже не в жизнь, в одно возмездье веря,
Крошилось тело — сыпалось, кололось,
И наконец остался только голос!

И тот замолк... Ни грохота, ни стона,
Зарылся и затих в кустах рододендрона.
Я дальше шёл и озирался поминутно
На глыбы, нависающие смутно.

Перевод Ф. Искандера

ОСЕННЯЯ ИДИЛЛИЯ

Ходит по деревне дух осенний,
Изобилья кисло-сладкий запах,
Жарко в очаге трещат поленья
В золотисто-смоляных накрапах.

На столе чурчхелы и орехи,
Чача и дымящаяся тыква,
А сосед, ребятам на потеху,
Говорит про подвиги Сасрыквы[1].

Как Гомер, неспешна его муза,
Увлажняет чаркою усердье,
А сестрёнка жарит кукурузу,
Щурясь и покручивая вертел.

И уходят нарты с Нарт-Сасрыквой
Убивать стоглавого злодея,

[1] ***Сасрыква*** — герой абхазского эпоса.

Я за ними с недоеденною тыквой
Убегаю, страстью пламенея.

И герой меня в седло сажает,
Победить дракона — дело чести,
Он людей хороших обижает,
Пожирая их с плохими вместе.

Смотрят в потемневшее оконце
Древние колючие созвездья,
Мама молча крутит веретёнце,
Тает, тает облачко из шерсти.

Голову чудовищу вчистую
Отсекает Нарт-Сасрыква ловкий,
Но одну, не самую большую,
Оставляет мне для тренировки.

Захмелел сосед от перегруза,
Заскреблись на чердаке не черти ль?
А сестрёнка жарит кукурузу,
Щурясь и покручивая вертел.

Перевод Ф. Искандера

ЖЕЛАНИЕ ЗИМЫ

Прошу, зима, густого снегопада,
Чтоб утром глянул — и белым-бело.
Зимою снег охотнику — отрада,
Охота не в охоту без него.

Разгладь морщины, борозды на пашне,
Искусство примиренья примени,
Перебели мне жизнь, как день вчерашний,
Кайму залива снегом окайми.

Прошу, зима, густого снегопада,
В снегах заметней гость издалека.
Чтобы очаг в дому гудел, как надо,
Чтоб вся семья и гость — у очага.

Гость церемонно у дверей теснится,
Ему хозяин придвигает стул.
Закуска. Столик. Водочка томится,
Хлебнул — и жаром глотку полоснул.

Изобразив лицом её свирепость,
Гость хвалит чачу: «Голову сечет...»
Отец доволен, но ругает крепость.
«Нет, нет,— он говорит, — первач не тот».

А там уж поспевает мамалыга,
И лица обдает парным теплом.
И долго длится сладостное иго
Застолья и беседы за столом.

И наконец, отец, накинув бурку,
Далёко будет гостя провожать.
А я, окликнув собачонку Гурку,
Пойду силки за садом проверять.

Прошу, зима, густого снегопада,
Ведь я ещё успею, добегу,
Ещё стоят силки мои за садом,
Расставленные в детстве на снегу.

Перевод Ф. Искандера

БАБОЧКЕ

Прилетела опять, желтокрылая,
Принесло тебя лёгкой весной, —
И душа моя снова счастливая,
Словно детство вернулось с тобой.

Я, бывало, бегу за тобою,
И тебя на цветущем лугу
Я и шапкой ловлю, и рукою,
А поймать все никак не могу.

Синим ветром тебя относило...
Сам летел я, с весною паря...
До чего ж хорошо это было —
Ты,
Трава молодая
И я...

С той поры не в просторах зелёных —
В многоярусных жил городах,

Всё спешил, всё летел в самолетах,
Всё летел по земле в поездах.

Но опять в дуновении юга
Ты мне маленьким машешь крылом,
На краю озарённого луга
Мы друг друга опять узнаём!

Ты откуда, скажи мне на милость,
В стороне проживала какой,
Неужели и ты истомилась
В ожидании встречи со мной?!

Вот летишь ты, сливаясь с весною,
Улетаешь в сиянье и мглу...
Что ж такое случилось со мною? —
За тобой я вослед не бегу.

Перевод Ан. Передреева

КОНЬ НА ТРАВЕ

Весна открыла очи,
Поля травой оделись.
Проснулись в улье пчелы,
В пространство разлетелись.

Зелёные листочки
Раскрыла шелковица.
Как на бумаге точки,
На пашне бродят птицы.

Но лучшую картину
Я видел в чистом поле:
Конь упадал на спину,
Хмельной от вешней воли.

Он загребал ногами
Весенний синий воздух,
То вдруг сверкал глазами,
То, раздувая ноздри,

Тряс от восторга гривой,
Носился, озоруя,
Входил в речные струи
Походкою ленивой.

Перевод С. Куняева

ОСЕННЕЕ ДЕРЕВО

На этом дереве весной
Все почки вдруг зазеленели,
И птицы к ночи на покой
Слетелись шумною толпой
В свои пуховые постели.

А к лету влажные листы
Образовали свод зелёный,
Чтобы под ним от суеты
Смог отдохнуть, кто б ни был ты,
Пусть даже счастьем обделённый.

Но жизнь вершит за кругом круг.
Желтеют листья, опадая,
И сон, как будто бы недуг,
На дерево нисходит вдруг,
Им не спеша овладевая.

Ах, сколько золота у ног!
Обнажены, как руки, ветви,

И стан, что строен и высок,
Где бушевал весенний сок,
Переживает лихолетье.

Всё тоньше, всё стройней оно,
Всё обнаженней контур стана.
Гляди — родимое пятно,
Гляди — грачиное гнездо
И на коре полоска шрама.

В благословенном полусне
Оно готовится к покою,
Оно готовится к весне,
Припав к кормилице-земле
Корнями, ветками, листвою...

Перевод С. Куняева

* * *

Постарели, потемнели
Материнские ладони.
Восьмерых детей сумели
Вырастить для лучшей доли.

Шила. Мыла. Одевала.
Юностью за всё платила.
В холода обогревала.
Беды грудью отводила.

Бремя материнской доли —
Одинаковое в мире,
В деревенском низком доме
Или в городской квартире.

Если нет кого-то к ночи —
Мать не закрывает очи,
Ждёт, волнуется, хлопочет,
Никого винить не хочет...

Перевод С. Куняева

* * *

Сквозь мельканье пригородных улиц
Шёл автобус пригородный мой.
С юностью мы вдруг переглянулись,
Обрамлённой черною каймой.

Траурное платье и накидка
Не скрывали жаркого лица,
Никакая сладостная пытка
Не сравнима с этой до конца.

Я не знаю, что за похороны,
Близкий или дальний погребен.
Юный взгляд, накидкой затенённый,
Собственною радостью смущён.

Рядом с ней, суровая, седая,
Женщина сидела у окна.
Ничего вокруг не замечая,
В траур тот одна погружена.

Я не знаю, что за похороны,
Было так и будет испокон:
Юный взгляд мерцает, затенённый,
В праздник ожиданья погружён.

Траурное это облаченье
Так легко ей, Господи, нести,
Ты прости ей жаркое томленье,
Ей на вид не больше двадцати.

Перевод Ф. Искандера

* * *

Я один по комнате хожу.
Выхода нигде не нахожу.
Остаётся мне в окно смотреть...
Обменял я золото на медь!

Не вернуть теперь мне лучших дней,
Не увидеть мне твоих очей.
Где-то крылья тихие замрут,
Где-то сердце слёзы обожгут...

Поступил с собой я как с врагом,
Знаю: все, что видится в былом,
Будет мне безжалостно светить —
Мне ничем его не заслонить!

Не свети... Не надо... Не свети,
Не нашёл я верного пути.
Так своим сомненьям доверял,
Что тебя навеки потерял...

Я очнулся — листья не шумят,
Я очнулся — птицы не летят,
Я очнулся — тишина в садах...
Я очнулся — слёзы на щеках.

В небе тихо стало и темно,
Отблистали молнии давно!
...Я один по комнате хожу.
Выхода нигде не нахожу.

Слышен шорох пасмурного дня,
Холодеют руки у меня.
Остаётся мне в окно смотреть...
Променял я золото на медь!

Перевод Ан. Передреева

* * *

Сегодня ты шла мне навстречу
С каким-то бельём в узелке.
Я замер — бескрылые плечи
И белая прядь на щеке.

А было: мы вместе учились,
Тобою гордился наш курс...
Так что ж в эти годы случилось,
Какой надломил тебя груз?

На всех вечеринках, гордячка,
Царила, пленяла, смеясь,
Влюблённого друга горячка
И девочки лёгкая власть.

Царила, пленяла и замуж,
Конечно, к другому ушла.
Грустил мой товарищ, а там уж
Женился... Такие дела...

Такое бывает нередко,
Но как ты сгорела дотла?
Ведь ты, как зелёная ветка,
Облеплена счастьем была.

Где глаз чудотворная сила,
Где взлёт непокорных бровей?
Кто скажет, зачем ты царила,
Зачем ты пленяла друзей?

Я знаю и горестней встречи
В скрещенье судеб и дорог,
Но эти поникшие плечи
И этот в руке узелок...

Перевод Ф. Искандера

ГЛУХОНЕМОЙ

Ты родную не услышал мать...
Не слыхал, как море бьёт волной...
Никогда тебе не услыхать
В этом мире песни ни одной.

Утром не разбудит тебя гимн...
Как я часто вижу, что тебе
Грустно, когда весело другим,
Одиноко в шуме и толпе.

Мне твой жест понятен не всегда,
Но всегда стараюсь показать,
Будто мне понятно без труда
Всё, что ты пытаешься сказать.

По соседству мы с тобой живём.
И хотя я добр — ты добрей!
Много тайн в безмолвии твоём
И в судьбе мучительной твоей.

Что тебя печалит так, скажи, —
Песня ли моя или мой смех?..
Если ты смеёшься — от души,
Если плачешь — плачешь горше всех!

Перевод Ан. Передреева

* * *

Вдруг из объятий вырвалась — и прочь,
За дверь! Босая выбежала в ночь.
А я подумал: «Ничего, придёшь!»
Такая ночь страшней, чем страсти дрожь.

Но нет! Минута за минутою бежит,
На стуле плащ её разбросанный лежит.
И вот, тревогой смутною объят,
Я выскочил из дому. Наугад

Бегу. А ночь — хоть выколи глаза,
И хрястнул гром, и грянула гроза,
В порывах ветра хлынула вода,
Над улицей искрились провода, —

И ни души! Всех смыло по домам.
А я бежал, и струи по щекам
Хлестали, как враждебные кусты...
Что я наделал? Как решилась ты?

Вдруг в свете молнии бушующий платан!
Он укрывал тебя, мой добрый великан.
Я подбежал, ты крикнула: «Не смей!» —
И задохнулась... Жарче и нежней

Я не любил. Бушуй, платан, бушуй
И выгребай сквозь водопады струй
Любви моей спасительный ковчег!
Подарок юности, звезда, ночной побег!

С тех пор немало утекло воды,
Ни юности, ни мокрой той звезды;
Лишь по ночам, уже который год,
Сухие щёки ливень тот сечёт.

Перевод Ф. Искандера

АХ, ШИ́РИ!..[1]

Сегодняшней ночью — я знаю, —
Как прежде, она меня ждёт,
Не слыша, как я повторяю:
«Ах, шири, пусть ливень пойдёт,
Ах, шири, пусть ливень пойдёт!»

Не я ли, не я ли свиданья
Ещё так недавно желал,
Другое твердя заклинанье:
«Ах, ши́ри, чтоб дождь перестал,
Ах, ши́ри, чтоб дождь перестал!..»

Послушай! Ну что за блужданья?!
Чего же ты хочешь найти,
Так часто меняя желанья,
Так часто сбиваясь с пути?

[1] *Ах, ши́ри* — выражение пожелания, междометие.

Скажите, судьбы моей годы,
Когда же мы встретим её,
Кому б безраздельно я отдал
И юность, и сердце своё?

...Наверно, никто не ответит,
Куда меня сердце зовёт...
Ах, шири, пусть мечется ветер,
Ах, шири, пусть ливень пойдёт!

Перевод Ан. Передреева

ВЕЧЕРНИЙ ОГОНЬ

Когда с тобой
Встречаемся мы днем,
Пусты и холодны бывают речи,
Не потому ли
Мы с тобою ждём,
Когда наступит долгожданный вечер.

Не знаю почему,
Но он под солнцем глох,
Не знаю почему,
Но он звучал, как пленный,
Двух наших душ
Вечерний диалог,
Его огонь и трепет сокровенный.

Ну что ж,
Пускай среди своих дорог

Нас вечер ждёт,
Все тайны сберегая...
Ты слышишь,
Что я говорю, родная?
Пускай звучит
Вечерний диалог!

Перевод Ан. Передреева

* * *

Я подхвачен ветром небывалым,
Закружившим душу в синей мгле.
Где сейчас я? Облака и скалы...
Где я? На далёком корабле!

...Боль проходит — сердце новой просит.
Дня прожить иначе не могу.
Мне ли утро дарит эту просинь?
Мне ль цветы кивают на лугу?

Не приду ни к одному решенью,
Знаю лишь: звезда моя зажглась.
Повинуюсь только притяженью,
Приближенью чьих-то рук и глаз.

Лепестки цветов вокруг витают.
Солнце смотрит прямо на меня.
О мой город, посвящённый в тайну,
Я прошу, не выдавай меня!

То ли сном я обнят, то ли садом,
Окружён цветущей тишиной,
Слышу: сердце чьё-то бьётся рядом,
Чей-то трепет счастья надо мной.

...Я подхвачен ветром небывалым,
Закружившим душу в синей мгле.
Где сейчас я? Облака и скалы...
Где я? На далёком корабле!

Перевод Ан. Передреева

ЧЕРНЫЙ КОФЕ

Не развеют боль мою
Ни коньяк,
Ни чай.
Чёрным кофе разгоню
Чёрную печаль.

Старики вокруг сидят,
Чётки теребят,
Ни о чём не говорят,
На меня глядят,
Цедят кофе по глотку,
Греются в тепле...
Чем же разогнать тоску,
Жанна, по тебе?

Девушка,
Я закажу
Чашку или две.
Девушка,

Я погляжу
В гущу, что на дне.

Надо чёрный кофе мне
Молча пригубить.
Надо, словно бы во сне,
В прошлое уплыть.

Дым надежд — нестройный рой
Предо мной парит,
Принимает облик твой,
Что-то говорит.

Словно пьяный, я смотрю
На прозрачный дым
И вот-вот заговорю
С призраком твоим.

Перевод Ан. Передреева

* * *

Без тебя
Заскучала б земля,
Неохотно бы солнце всходило,
И звезда ни одна без тебя
Не мерцала бы мне, не светила.

Без тебя бы увяли цветы
И дороги бы все потускнели...
Если б только не слышала ты
Этих птиц —
Для кого б они пели?

Это море
Зачем без тебя?
Эти реки, бегущие к морю?
И зачем,
Синевою слепя,
Это небо цвело б надо мною?

Без тебя
Опустеет весна,
Растеряет все запахи лето...
Без тебя
Никому не нужна
Даже бабочка белая эта.

Перевод Ан. Передреева

ОБЛАКА

Играя, по небу плывут облака,
Их облик текучий рисует строка.

Платки пуховые по небу плывут,
За ними шагает усталый верблюд.

Вот девичьей шеи печальный изгиб,
Но что он напомнил? Зачем он возник?

Барашки на склонах небес разбрелись,
А раньше на склонах Кавказа паслись.

Воздушного замка угрюмые сны,
Обломки Великой абхазской стены.

Механик, я знаю жестокий твой трюк:
Ты стены обрушишь, но выключишь звук!

А вот великаны справляют пиры,
Багровым вином заливая шатры.

Вот облак и тучка в объятьях слились,
И молния страсти прорезала высь.

На строчку упавшая капля дождя
На скуку длиннот намекнула шутя.

Перевод Ф. Искандера

* * *

Стихи и виньетки,
И гроздья цитат...
Кудахчет наседкой,
Не видно цыплят.

Напрасно кудахтал
И крылья вздымал,
Ни масла не спахтал,
Ни сливок не снял.

И снова на яйцах
Наседкой притих,
Чернила на пальцах:
Рождается стих.

Он пишет о веке —
Широкий простор.
О дружбе — навеки,
О снеге — ковер.

Он малый серьёзный,
Да к юмору глух.
Без запаха — ноздри,
Без музыки — слух.

Играют холуйство
И дерзость в стихах,
И тусклое буйство
В упорных зрачках.

Перевод Ф. Искандера

ЗАВИСТЬ

Я размышляю:
Сколько же лет
Зависть живёт в миру,
Бродит,
Играя свою игру,
Тень наводя на свет?

Абраскилу[1]
Завидовал Бог,
Богу завидовал чёрт.
Сасрыкву
Не брали братья в поход,
А воин был — первый сорт!

Есть
В каждой земной семье
Тёща,
Сноха,
Свекровь...
Зависть

[1] ***Абраскил*** — герой абхазского эпоса.

Шатается по земле,
Нам отравляя кровь.

Сердце
Ржавое у неё,
Нет улыбки в глазах...
Зависть —
Вечна,
Как бытие,
Мощен ее размах.

Рядом со славой
Она живёт.
Рядом с богатством — она.
Шепчет,
Терзает,
Мучит,
Жжёт —
Словом,
Всюду свое берёт,
Как говорят, сполна.

Какой от неё придумать щит?
Она и в огне не горит...
Сердце Сальери
Кровоточит,
Покамест Моцарт творит.

Перевод С. Куняева

ШЁЛКОВЫЙ ДОМ

Шелкопряд своим тихим был занят трудом,
Шелкопряд поднимался всё выше...

И когда себе шёлковый выстроил дом,
Молча умер —
Никто не услышал.

Не увидел никто, куда он ушёл...
Даже дома не стало —
Один только шёлк.

Перевод Ан. Передреева

МОРСКИЕ КАМНИ

Как монеты «пятаки»,
Тонкие такие,
Не толсты, не велики
Камешки морские.

Все зазубринки на них
Волны обточили.
Вечность обтесала их
На своём точиле.

Эти камни не родня
Валунам огромным,
Что лежат в лесу, храпя,
Обрастая дерном, —

Вдалеке от бурь морских
Нежатся лениво.
Время погасило их
Юные порывы.

Камни моря!
По душе
Мне упорство ваше.
Как бойцы на рубеже,
Вы на этом пляже.

Камень приложу ко рту —
Вкус солоноватый...
Брошусь в синюю волну,
Задохнусь прохладой.

Перевод С. Куняева

РАЗГОВОР С МОРЕМ

Море шепчет: «О чём грустишь,
К берегам моим тихо выйдя,
И задумчиво так стоишь,
И глядишь, ничего не видя?!»

«Что с тобою? — звенит волна. —
Что случилось с твоей душою?
Или та, на весь мир одна,
Стала вдруг для тебя чужою?

Или много в твоей судьбе
Тех, кто с дружбой спешит легковесной?
Или стало трудно тебе
По строке вынашивать песню?

Или так очевидна тщета
Дней твоих под сенью небесной,
Или так недоступна мечта,
Та, которую звал с надеждой?

Дай плечо мне —
Тоску отпущу,
Дай свой взор —
Очарую бездной.
Дай огонь твой —
В пожар превращу,
Сердце дай —
Переполню песней!

Прикипай
К моим парусам,
Синевою моей напейся,
Видишь —
Небо послушно нам!
Будь со мной.
На меня надейся.

Друг без друга нас просто нет,
Стихнет в сердце и звон, и пенье.
Я — не море, ты — не поэт,
Если мы прекратим наступленье!»

Перевод Ан. Передреева

ГОЛОС ЖИЗНИ

Голос жизни:
— Эй, Мушни́!
Поспеши, дружок, немного!
Убегает вдаль дорога...
Где друзья твои?
Спеши!

Где любовь твоя? Не так
Ищут милую на свете...
Дети где твои, чудак?
Слышишь,
Как смеются дети?

Голос жизни:
— Поскорей
Расправляй мечты и крылья,
Где же,
Где твои усилья,
Подвиг твой?!
Смелей,
Смелей!..

Не ищи в глуши тропу,
Выходи к народу, к свету,
Чтобы душу и судьбу
Пронести, как эстафету!

Голос жизни:
— Я — бессмертна.
Но твои
Не вечны дни
(Знает всё она, наверно...),
Так не прячь лица в тени!

Позже ляг,
Но встань пораньше,
Не теряй напрасно дни.
И друзей,
Ушедших дальше,
Поскорее догони!

Голос жизни:
— Эй, Мушни,
Где ж ты, друг?!
Спеши,
Спеши!..

Перевод Ан. Передреева

ЖЕРНОВА

Затихли к ночи волн раскаты,
Упал на землю мрак ночной.
Как ярко-красные гранаты,
Мерцают звёзды над землёй.

Торжественно и величаво
Стоит в округе тишина.
Лишь мельница шумит печально,
Не зная отдыха и сна.

Хозяин нежится в постели.
Покрылась росами трава...
Всю жизнь, как говорится, в деле,
Ворочаются жернова.

Крестьяне бурдюки приносят,
Устраиваясь на ночлег,
Зерно привозят
И увозят
Муку, нежнейшую как снег.

А зимним днем,
Когда садятся
Абхазцы к праздничным столам,
Лепёшки на столах дымятся,
Как благодарность жерновам.

Перевод С. Куняева

СЁСТРЫ

Две сестры живут в деревне,
Близнецы единой крови, —
Одинаковые песни,
Одинаковые брови.

Им исполнилось шестнадцать.
Не завидую соседям:
Очень просто обознаться,
Обращаясь к сёстрам этим.

Даже мать и та порою
Назовет одну другою...

А девчонки проявляют
Непонятное усердье —
Как нарочно, надевают
Одинаковые серьги.

Лишь один дотошный парень —
Ох и зависть меня гложет,

Что талант парнишке даден! —
Различить сестричек может.

Видно, глаз у парня острый —
Это понимают сёстры.

Я соперничать не в силах,
На сестёр гляжу, вздыхая,
Одинаковых и милых.
У него одна...
Какая?

Перевод С. Куняева

* * *

Гроза полыхала. Сквозь ливень и мрак
По крыше конюшни ударил зигзаг.

И пламя соломой легко пробежало,
И сдержанно первая лошадь заржала.

Где конюх? Под грохот, под яростный гул
Он рядом в сторожке мертвецки уснул.

Горящая балка обрушилась вниз,
И вздыбились кони от огненных брызг.

Плескались на стены, кружились, метались,
И ленточки пламени в гривы вплетались.

А самый разумный в безумье багровом,
Ударившись, рухнул у двери дубовой.

Висел на дверях двухпудовый замок,
Чтоб конокрад и помыслить не мог.

В деревне всю ночь сквозь разряды грозы
Без умолку выли и лаяли псы.

Далёкое ржанье из огненной пасти,
Гнедые, каурые, где ваши масти?

Гнедые, каурые и вороные,
Где ваши масти? Вы все — огневые!..

К рассвету, должно быть, умаялись псы,
Притихли под шум уходящей грозы.

Перевод Ф. Искандера

* * *

Горы Абхазии,
Вы словно груди
Древней моей страны!
Вьются речушек
Молочные струи
Из голубизны.

Где бы я ни был,
Гордый Эрцáху,
Я у тебя в плену,
Ты, воспитавший
Нашу отвагу, —
Дай на тебя взгляну!

Дикие козы,
Как по тревоге,
Выскочили на склон.
Но у охотника
Крепкие ноги,
Смел и опытен он!

За перевалом
Взглядом окину
Острый пик Гуара́п.
Надо взобраться мне
На вершину
За птицей акап-ка́п.

Горы Абхазии,
Вы словно груди
Древней моей страны!
Вьются речушек
Молочные струи
Из голубизны!

Перевод С. Куняева

* * *

На Эрца́ху трава не растёт.
Здесь повсюду снега, да туманы,
Да седых облаков караваны,
Да тяжёлый
Нетающий лед.

Облака покружатся над ним
И, как будто поссорясь,
Уходят,
А под вечер обратно приходят,
Словно овцы к владыкам своим.

На Эрца́ху траве не расти.
Он что конь необъезженный,
Где там —
Оседлать!
Только с небом и ветром
Он ведёт разговоры свои.

Вечность!
Силой меня надели!
Дай насытиться ветром и небом!
Ведь когда-то в ущельях земли
Жил, как смертный,
Неистовый Демон...

Перевод С. Куняева

* * *

Он охотника поздно увидел
И рванулся к черте снеговой,
Но вдогонку раздался выстрел,
Дым качнулся пороховой.

И горячее сильное тело
Покатилось по осыпи вниз,
Где трава для него зеленела,
Где звенел серебристый родник.

Он любил эти древние горы,
Эту ясную синюю даль,
В дни погоды и в дни непогоды
И дитя этих пастбищ, и царь.

А теперь он лежит без движенья,
Окровавлен и солнцем палим...
Ветер древнюю Песню раненья
Запевает с печалью над ним.

Перевод С. Куняева

РОДИНА

Родина, бедная родина,
Мы покидаем тебя...[1]

Дыбом волосы встают,
Как услышу песню эту.
С давних пор её поют
Все бродящие по свету.

От родимых берегов
Уходили предки наши,
Покидали милый кров —
Нет горчее этой чаши.

Одичавшие сады,
Развалившиеся стены.
Сколько в Чхалте[2] красоты
Оставляли наши деды!

Перед взором — чёрный путь...
Море... Берег незнакомый...
Песня разрывает грудь
И летит обратно к дому.

Выходили на порог
Старики, мужчины, дети,
Уходили на восток
От единственной на свете.

Песнь рыдала, как волна,
И, впадая с шумом в море,
Следом пенилась Кодори
И обратно их звала.

Перевод С. Куняева

---

[1] Эту песню пели абхазы, насильно переселенные в Турцию в XIX веке.

[2] ***Чхалта*** – место, наиболее пострадавшее от переселения.

* * *

Когда, подхваченный потоком,
Ты задыхаешься, хрипя,
И конь в борении жестоком
Внезапно смыт из-под тебя,

Подхвачен ледяною мутью,
Надейся, не спеши на дно.
Наляг плечом! Работай грудью!
На крик, на случай, на бревно
Надейся! Не спеши на дно.

Нельзя стихии на подмогу
Своё бессилие вручить,
Ещё при жизни дать потоку
Себя, как труп, проволочить.

И если прорвой ледяною
Замкнулся смысл твоих путей,
Ты до конца владел собою,
Был волен волею своей.

Перевод Ф. Искандера

В НАШЕМ ДОМЕ

Соседи,
Одетые в траур,
В наш дом приходили,
Как в табор.
Одни удалялись,
Наш дом проклиная,
Другие, счастливые, шли,
Улыбались,
Наш дом прославляя.

Я тайно
Подслушивал их разговоры,
Прозренья,
Отчаянье и наговоры.
Меня окружало
Слепое, нагое,
Живое, безумное горе людское.
Оно каждый день
Наполняло террасу,
Оно всю округу

В те дни наполняло,
И детское сердце любому рассказу
Доверчиво,
Добро и жадно внимало.

Гадала бабушка...
К ней шли
Невестки,
Матери,
Свекрови —
Все тайны слёз,
Все тайны крови,
Все тайны жизни к ней несли.

Она для страждущих была
Вещуньей,
Пифией,
Пророком,
Провидицей добра и зла...
Я подсмотрел ребячьим оком,
Как рассыпались в полукруг
Четыре роковые масти,
Обозначающие вдруг
Казенный дом,
Дорогу,
Счастье...

А бабка
Колоду в сторонку сдвигала,
И странные речи она начинала.
В те дни
Я, конечно, ни йоты не понял,
Но что-то услышал,
Но что-то запомнил.
— Любите друг друга.
Не делайте зла
Соседу...
Творите благие дела.
Отвергните зависть,
Гоните коварство —
И вас не минует
Небесное Царство...
С открытой душою
Молитесь Тому,
Кто солнцем и молнией
Высветил тьму!

Эти речи были не новы,
Но, всей логике вопреки,
Им внимали печальные вдовы,
И невесты,
И старики.

Сколько слёз я увидел в детстве!
Сколько тайн услыхал в те дни!
Потому полюбил я вместе
Жить и радоваться с людьми!

Как хотелось,
Чтоб всё свершилось,
Всё добро,
О котором речь,
Чтобы высшая справедливость
Распрямляла сутулость плеч,
Чтоб для всех,
Кто, поникший духом,
Приходил к нам
На наш порог,
Я бы стал опорой и другом,
Всех утешил бы,
Всем помог!

Перевод С. Куняева

БАЛЛАДА О БЛУДНОМ СЫНЕ

Его никто не ждал: ни дети, ни жена.
Зачем ему семья? Обузою она
Является тому, кто милый кров оставил.
Сегодня он обут, а завтра он разут.
Он — блудный сын, и что ему семейный суд,
Когда он пренебрёг всем сводом кровных правил.

Но вышло так, что вдруг его печальный путь
Внезапно повернул к родимому порогу...
Друзья? Нет, не о них болит и ноет грудь...
Зачем идти домой?
Иди куда-нибудь!
Но вдруг пустился он в обратную дорогу.

Две мысли жили в нем. Две грани. Две души.
А проще говоря — в одном два человека.
Когда страдал один,
Другой кричал: глуши
Ненужную тоску и в новый край спеши,
Ищи случайный кров для нового ночлега!

Что было позади? Моря и корабли...
Машины, поезда, мечты и сновиденья...
Дорога в Никуда... На самый край земли!
Так вот куда его порывы завели,
В которых видел он свет вещего прозренья!

Что было позади? Солёный вкус слезы.
Что было позади? Души невнятный ропот,
Туманный дым надежд, да юности следы,
Да горькие плоды сердечной пустоты,
Да прожитых годов почти ненужный опыт.

Он одиноко шёл, по-своему смотря
На небеса, на мир, торжественный и чудный...
Не холод и не зной, а горечь бытия —
Вот всё, что ощущало блудное дитя...
И пробил час — домой сын воротился блудный.

Все рады. Он один почувствовал печаль.
Уже он вне себя.
Уже глядит на двери.
Его опять зовёт неведомая даль...
Неужто до утра жить в этом доме? Жаль!
И снова он влюблён во все свои потери!

Перевод С. Куняева

* * *

Я оглянулся: бледной тенью
Бесшумно смерть идёт за мной,
В ней всё — и зависть, и презренье,
И просто холод ледяной.

Прочь от слепой, пустой, убогой,
Не по пути со смертью нам!
Но той же смерть бежит дорогой,
Бежит за мною по пятам.

...Природа-мать! Деревьев трепет,
Трава, встающая до плеч,
И моря блеск, и птичьи трели,
И человеческая речь.

И тишины твоей наплывы,
И облаков весенний бал,
И кровь, сияющая в жилах,
И водопады среди скал...

Как я хотел бы рассмеяться
В глазницы пустоты и льда
И с солнцем яростным обняться,
Как с верным другом, — навсегда!

Перевод Ан. Передреева

ТРАВА

Куда ни глянь —
Вокруг тебя трава.
Она растёт в пещере и в болотце.
Растут травинки на венце колодца,
Покрылась мхом забытая тропа.

Трава растёт высоко на скале,
Шумит на пойме заливного луга.
Трава растёт на высохшем стволе
Давным-давно свалившегося дуба.

Вот из-под снега вырвалась трава.
Асфальт взбугрился от ростков зелёных —
Сквозь трещины по долгу естества
Она спешит, как из яйца цыплёнок.

Я думаю о войнах прошлых лет...
Позаросли маршруты Чингисхана.
Следы копыт и танка тяжкий след
Трава равно хоронит неустанно.

Напьюсь воды из горного ручья,
Свалюсь в траву...
И тут же сон целебный
Придет ко мне.
И вся тоска моя
Вмиг растворится в травах и вселенной.

Когда настанет час и в мир иной
Я весь уйду с весельем и печалью,
Моя земля, зелёною травой
Укрой меня,
Как материнской шалью!

Перевод С. Куняева

* * *

Мне видеть кровь страшней день ото дня,
Я не в ладу со струйкой этой красной,
И курицу зарезать для меня
Бывало в детстве пыткою ужасной.

Навеки запретить её, друзья,
И задушить кровавого придурка.
Но если без неё совсем нельзя,
Пускай! Но только на руках хирурга.

Перевод Ф. Искандера

В САДУ

В саду я отдыхал, забыв дела,
Смотрел, как в свежести, в прохладе утро шло,
Беременная женщина прошла
Красивая... и стало мне тепло.

И я подумал: было утро дня,
В другом саду, другая жизнь была,
В своей утробе мать несла меня,
И время шло в борьбе Добра и Зла.

Перевод Ал. Коваленкова

ЗЕМЛЯ

На земле, как в театре, искусно
Декорацией выписан лес...
Свет весёлый, как яркая люстра,
Льёт на зрителей солнце с небес.

Плещут горы, как жемчуг на нити,
Пароходов слышны голоса.
Вот и радуга встала, взгляните,
Как цветасты её пояса!

Все сияет красою бесценной
Выходя из-под кисти Творца...
А земля — театральная сцена —
В мирозданьи кружит без конца.

Как в морях, так и в жизни порою
Человека мотает и бьёт.
Он играет различные роли
И различные песни поёт.

На земле и законы такие,
Как в театре, где люди одни
На виду, на свету, а другие —
За кулисами, где-то в тени.

В этой жизни, в потоке бегущем,
Где во взглядах и боль, и любовь,
Снова занавес смертью опущен
И распахнут рождением вновь!..

Перевод Ал. Заурихa

СЕРДЦЕ

Маленькое сердце... Но в тебе
Целый мир, огромный непомерно.
Будь бесстрашным в праведной борьбе,
Чтобы ты, как солнце, не померкло!

Грязное — тебя в пылу хмельном
Не отмоет море в час прилива.
Любящее — рвётся скакуном
Или, как птенец, дрожит пугливо.

Если недруг родину твою
Жжёт огнем, в тревожном небе рея,
Нет сильней оружия в бою —
Сердце в бой идёт, штыка острее!

Если блеск богатств тебя манит,
Если зависть мучает тупая,
Ты уже не сердце, а магнит,
Злоба к сердцу так и прикипает!

Сердце! Не сживайся с тишиной,
Не позволь мне стать слепым и сонным.
Пусть в груди, с кулак величиной,
Светится негаснущее солнце.

Перевод Ал. Зауриха

БАТАКУА

Его брат, пастух Батакуа,
Был сыном гор.
И. Когониа. «Абатаа Беслан»

Батакуа, Батакуа,
Ты вечен, словно сталь.
Со мной разделишь радость,
Поймёшь мою печаль.

Всегда ты утро ясное
Встречаешь на меже
И самое прекрасное
Хранишь в своей душе.

Всегда гостей обнимешь,
Всегда твой враг бежал.
Настанет час — поднимешь
За правду свой кинжал.

Когда святыни рушили,
Над нами щелкнул бич,

Ты первый взял оружие
И в Лыхны шёл на клич!..

Когда, рыча проклятья,
Ты уставал в борьбе,
Слетались нарты-братья
На выручку тебе.

Пускай придётся туго,
Но ты, покуда жив,
И с севера, и с юга
Удержишь рубежи.

Когда торговцев свора
Сюда нагрянет вдруг —
Спасёшь леса и горы
От их недобрых рук.

Душа твоя открыта
Для чести и добра,
Она прочней гранита
И чище серебра.

Ты стал в труде и битве
Опорой для страны.
Тебе мои молитвы
Всегда посвящены.

Снеся любую муку,
Надёжный, словно меч,
Ты донесёшь до внука
Родную нашу речь.

...И в каждом доме вечно
Горит своя свеча.
Ты в детстве бесконечно
Мне снился по ночам.

Я выдержу любое,
Не пропаду в огне.
Ты волей и борьбою
Наполнил сердце мне!

Перевод Ал. Бардодыма

БАЛЛАДА О СТАРОЙ КОБЫЛЕ

Помнится,
Что каждый год подряд,
Помню, хотя был мал,
Кобыла рожала нам жеребят,
И отец жеребят продавал.

Взамен
Покупал сахар и соль,
А кобыла за много годов
Ни разу живот не набила свой,
Не имела новых подков.

Во поле
Выходила чуть свет,
Чтобы тянуть борону.
...Кобыле стукнуло двадцать лет —
Нечем жевать траву.

Отец снимает с неё узду,
Впадает в хозяйственный раж:

— Зря не продал в прошлом году!
В этом уже не продашь...

А недавно
Довольный вернулся он:
— В Сухуме питомник есть!
Для обезьян — конина корм,
Надо кобылу отвесть...

Старая!..
Горечь в моей душе,
В сердце моём тоска.
Ты обезьянам снишься уже —
Участь твоя близка...

Перевод С. Куняева

ПОРТРЕТЫ

Дней минувших партизаны
Смотрят с фотоснимка.
Ленты. Ремни. Патронташи.
Шашка-кабардинка.

В центре — женщина с ребёнком.
На земле — собака.
Дуб. И на дубу зелёном
Чёрная папаха.

Фото. Надписи. Портреты.
Старые альбомы.
Наши прадеды и деды.
Горские ревкомы.

Флаги, башлыки, бешметы
Пролетают, рея,
Мимо жизни, мимо смерти, —
Прямо в наше время.

С настоящим — рука в руку —
Прошлое сомкнулось,
И глядят в глаза друг другу
Молодость и юность!

Перевод С. Куняева

ЧЁРНЫЕ ЛЕБЕДИ

Пронизанная скудными лучами,
Дымится осень, и который день
Я в белом небе грустно различаю
Косые стаи чёрных лебедей.

Я им не помешаю. Не окрикну.
Летите, растворяясь и дразнясь.
Мне просто жаль, что верил вашим крыльям,
Как самым добрым, преданным друзьям.

Пересекайте тихие границы,
Плывите, улетайте от меня.
В моей Апсны живут другие птицы,
И вам они, конечно, не ровня.

Их не пугают ветреные стужи.
И не завидуют они ничьей земле,
А если солнце закрывают тучи,
Они поют о свете и тепле.

Они поют, но не исходят криком
И не летят за дальние леса...
Поют, расправив стынущие крылья,
Сливая с шумом веток голоса.

Летите, чёрные, испуганные птицы,
Качайтесь в небе, сыто развалясь,
У вас чужие гнёзда и границы,
Но нет на свете родины у вас!..

Перевод Вл. Касьянова

* * *

Я о тебе у всех расспрашивал,
Искал во тьме твой дивный отблеск;
В мечтах ночами разукрашивал,
В мечтах придумывал твой образ.

И вот иду с тобою
В жизни я, —
Ещё не знал такой красивой.
Продеты в мочки две инжиринки,
И пахнут губы апельсином.

Иду,
Дышу твоим дыханием,
Простором солнечного взгляда.
Над нами, в белом полыхании,
Летя,
Щебечут ветви сада.

Пусть только день с тобою рядом я —
Тебе от глаз моих не скрыться!
Моя любовь сияет радугой
И расплывается в зарницы...

Перевод Вл. Касьянова

* * *

Мне чувство притворное чуждо —
И я поклонюсь чудесам,
Великому светлому чуду —
Просторным подземным дворцам.

Весь день эскалатор несётся
И свет серебрится дневной,
Как будто абхазское солнце
Горит под землёй —
Надо мной.

Как будто тайга здесь, и Каспий,
И степи — встречают весну.
...Я знаю чудесную сказку,
Подземную знаю страну —

С ветрами своими
И с небом —
С немеркнущим солнцем на нём,
С цветами своими
И снегом,
Пылающим синим огнём.

Навстречу — знакомые лица,
И взоры друзей горячи.
Я гость твой, родная столица,
Я друг ваш, мои москвичи!

Я верю в красивую сказку
И в то, что ближайшей порой
В Сухуме — столице абхазской —
Возникнут дворцы под землёй!..

Перевод Ан. Зайца

«НЕ ЗАБЫВАЙ МЕНЯ!..»

Порой в пути, а может,
И дома, у огня,
Придёт на ум, встревожит:
«Не забывай меня!..»

К чему я повторяю?
Зачем его люблю?
Былое вспоминаю
И детство в нём ловлю.

Оно, как на картине,
Ясно, и видно мне:
Скачу на хворостине,
Как будто на коне.

Война! Шёл брат из дома,
Как взрослого меня
Обняв, сказал весомо:
«Не забывай меня!..»

С врагами смело бился
Солдат — мой старший брат,
И всё ж не воротился —
Погиб за Ленинград.

Живу я, брата слово
В душе своей храня.
Звучит, звучит сурово:
«Не забывай меня!..»

Ушло, умчалось детство,
Ликуя и звеня,
Оставив лишь в наследство
«Не забывай меня!».

Перевод Л. Любченко

СЕЯТЕЛЬ

Опять я слышу шорохи весны,
Вновь красота пришла на землю властно.
Моя земля,
цветущая Апсны,
Ты вновь звонкоголоса и прекрасна!

Долины, горы, молодость моя!
Вновь солнце тянет золотые руки
К земле отцов,
и отчая земля
Вновь зелена, куда ни глянь в округе.

Вновь сеятель набухшее зерно
Перебирает трепетной рукою
И, как из века в век заведено,
Идёт по свежевспаханному полю.

Я приношу ему земной поклон
За то, что он в согласии с природой

Находится всю жизнь, за то, что он
Спасает мир обыденной работой.

Ведь без него весенняя земля
Останется пустынна и бесплодна...
Смотри, как жаждут влажные поля,
Чтоб в них зарылись золотые зёрна!

Да будет мирный труд благословен,
Пусть зеленеют молодые всходы,
Пускай в плену весенних перемен
Земля забудет прошлые невзгоды!

Перевод С. Куняева

СОДЕРЖАНИЕ

«Нет, мудрые колхи...». *Пер. Ю. Кузнецова* 5
Апсны. *Пер. Ан. Передреева* 6
«Я люблю твой нрав, Кодор...». *Пер. Ф. Искандера* 8
Осень в Абхазии. *Пер. С. Куняева* 10
Матери. *Пер. Ал. Зауриха* 12
Прощание. *Пер. Ан. Передреева* 14
«Запруда отражалась в небе...». *Пер. С. Куняева* 17
Форель и соловей. *Пер. Ф. Искандера* 19
Колыбель. *Пер. Ф. Искандера* 21
Старик и снег. *Пер. С. Куняева* 23
Это был я. *Пер. С. Куняева* 25
Сон. *Пер. Ф. Искандера* 28
Смерть камня. *Пер. Ф. Искандера* 31
Осенняя идиллия. *Пер. Ф. Искандера* 33
Желание зимы. *Пер. Ф. Искандера* 35
Бабочке. *Пер. Ан. Передреева* 37
Конь на траве. *Пер. С. Куняева* 39
Осеннее дерево. *Пер. С. Куняева* 41
«Постарели, потемнели...». *Пер. С. Куняева* 43
«Сквозь мельканье пригородных улиц...».
Пер. Ф. Искандера 44
«Я один по комнате хожу». *Пер. Ан. Передреева* 46
«Сегодня ты шла мне навстречу...». *Пер. Ф. Искандера* 48

Глухонемой. *Пер. Ан. Передреева* 50
«Вдруг из объятий вырвалась — и прочь...».
Пер. Ф. Искандера 52
«Ах, ши́ри!..». *Пер. Ан. Передреева* 54
Вечерний огонь. *Пер. Ан. Передреева* 56
«Я подхвачен ветром небывалым...». *Пер. Ан. Передреева* 58
Чёрный кофе. *Пер. С. Куняева* 60
«Без тебя заскучала б земля...». *Пер. Ан. Передреева* 62
Облака. *Пер. Ф. Искандера* 64
«Стихи и виньетки...». *Пер. Ф. Искандера* 66
Зависть. *Пер. С. Куняева* 68
Шёлковый дом. *Пер. Ан. Передреева* 70
Морские камни. *Пер. С. Куняева* 71
Разговор с морем. *Пер. Ан. Передреева* 73
Голос жизни. *Пер. Ан. Передреева* 75
Жернова. *Пер. С. Куняева* 77
Сёстры. *Пер. С. Куняева* 79
«Гроза полыхала. Сквозь ливень и мрак...».
Пер. Ф. Искандера 81
«Горы Абхазии...». *Пер. С. Куняева* 83
«На Эрцаху трава не растёт...». *Пер. С. Куняева* 85
Монолог. *Пер. С. Куняева* 87
«Он охотника поздно увидел...». *Пер. С. Куняева* 89
Родина. *Пер. С. Куняева* 90
«Когда, подхваченный потоком...». *Пер. Ф. Искандера* 92
В нашем доме. *Пер. С. Куняева* 93
Баллада о блудном сыне. *Пер. С. Куняева* 97
«Я оглянулся: бледной тенью...». *Пер. Ан. Передреева* 99
Трава. *Пер. С. Куняева* 101
«Мне видеть кровь страшней день ото дня...».
Пер. Ф. Искандера 103

В саду. *Пер. Ал. Коваленкова* 104
Земля. *Пер. Ал. Заурихa* 105
Сердце. *Пер. Ал. Заурихa* 107
Батакуа. *Пер. Ал. Бардодыма* 109
Баллада о старой кобыле. *Пер. С. Куняева* 112
Портреты. *Пер. С. Куняева* 114
Чёрные лебеди. *Пер. Вл. Касьянова* 116
«Я о тебе у всех расспрашивал...». *Пер. Вл. Касьянова* 118
«Мне чувство притворное чуждо...». *Пер. Ан. Зайца* 119
«Не забывай меня!..». *Пер. Л. Любченко* 121
Сеятель. *Пер. С. Куняева* 123

МУШНИ ЛАСУРИА

ФОРЕЛЬ И СОЛОВЕЙ

СТИХИ

Генеральный директор
ЗАО «Издательский дом “Звонница-МГ”»
Г. Зайцев

Авторизованный перевод с абхазского
Редактор Л. Арнаут

Художественный редактор Е. Кондратенко
Компьютерный набор М. Джения
Корректор С. Козлова

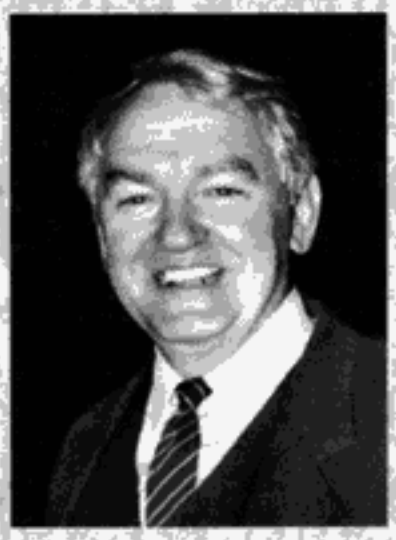
Заказ № 2641. Тираж 1500 экз.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «ИПП «Курск»
305007, г. Курск, ул. Энгельса, 109.
E-mail:kursk-2005@yandex.ru
www.petit.ru

Качество печати соответствует качеству представленных диапозитивов

МУШНИ ЛАСУРИА

ФОРЕЛЬ И СОЛОВЕЙ

Мушни Ласуриа – известный абхазский поэт, лауреат Государственной премии им. Д.И. Гулиа, поэт-академик, автор многих сборников стихов, поэмы «Золотое руно», романа в стихах «Отечество», которые сыграли значительную роль в становлении и развитии абхазской поэзии.

По природе своего дарования М. Ласуриа лирик. Он стремится к классической ясности образов, к чистоте поэтических красок. Его лирика впечатляет гармоническим равновесием чувства и мысли, пластичностью деталей.

Перу М. Ласуриа принадлежат переводы на абхазский язык романа в стихах А. Пушкина «Евгений Онегин», поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре», «Мцыри» и «Демон» М. Лермонтова, «Шильонский узник» Дж. Байрона, «Песнь о Гайавате» Г. Лонгфелло и других произведений. Они стали образцами классического перевода в абхазской поэзии.

Составитель «Антология абхазской поэзии XX в.» в 2-х томах. М. Ласуриа впервые на абхазский язык осуществил полный перевод текста Нового Завета.

В сборник «Форель и соловей» вошли как ранние стихи, так и написанные в позднее время.

ISBN 978-5-88093-182-8

9 785880 931828